ПИСЬМО

БАРОНА ГОЛБЕРГА

къ пріятелю

О СРАВНЕНІИ

АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО

съ

КАРЛОМЪ XII

Королемъ Шведскимъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Съ дозволенія указнаго, 1788 года.

Государь Мой!

Въ последнемъ моемъ письмѣ старался я показать, что многія Курціевы и другихъ писателей о Александрѣ великомъ строгія разсужденія неосновательны; но изъ того неслѣдуетъ, чтобы я сего Государя признавалъ совсѣмъ невиннымъ. Онъ подверженъ былъ многимъ и великимъ порокамъ. Единое его властолюбіе, коему слѣдуя, приносилъ тьмы людей на жертву, можетъ служить сему въ доказательство. Таковаго Государя можно почесть бичемъ рода человѣческаго, и кажется ни какое дѣло толикія хулы недостойно, какъ оставя свое отечество, протекать съ обнаженнымъ мечемъ другія земли, и подвергая оныя за-

пустѣнїю проливать кровь неповинную. Таковый владѣтель нестоитъ и именованъ быть государемъ, кольми паче героемъ; его болѣе можно уподобить смертоносной язвѣ, плачевные вездѣ слѣды и напоминанїя по себѣ оставляющей. Симъ образомъ разсуждать можно и о Юлїи Кесарѣ. Плутархъ въ сравнительныхъ своихъ описанїяхъ славныхъ мужей уподобляетъ уже ихъ другъ другу, несмотря, что они почти въ одномъ только семъ свойствѣ между собою сходны. По моему мнѣнїю подобенъ Македонскїй Царь болѣе Королю Шведскому Карлу XII, ибо кажется что сей представляя себѣ жизнь онаго всегдашнимъ образцомъ слѣдовалъ ему столь ревностно, что увидя въ одно время у Боала строгое о Александрѣ разсужденїе, такъ разгнѣвался, что никогда впредь нечитывалъ его сочиненїй. Оба сїи Государи достигнули до правленїя въ младыхъ лѣ-

тахъ, и оба наслѣдованныя ими государства вскорѣ оставили: Александръ удалясь отъ своего, невидалъ онаго болѣе; а Карлъ возвратился въ оное не задолго передъ концемъ своея жизни. Обнаживъ мечь, оба никогда руки отъ оного неиспраздняли. Оба въ безпрерывномъ были движенїи, и ни который немогъ на одномъ мѣстѣ быть спокойно, подобно какъ бы земля горѣла подъ ихъ ногами; ни каменистыя горы, ни широкїя рѣки, ни великїя топи немогли удержать ихъ стремленїя; и чѣмъ тягостнѣе и опаснѣе былъ путь, тѣмъ съ большею охотою оной предпринимали. Оба великїе были полководцы, но забывъ, что они предводители, сражалися часто наряду съ простыми воинами. Великую Александръ показалъ отвагу, скочивъ нѣкогда одинъ съ стѣны въ осажденной городъ, но смѣлость Карла XII. была еще болѣе, когда онъ въ Бендерахъ отъ цѣлаго Турецкаго

войска одинъ отбивался. Дѣло Карла XII. подобно отчаянiю; ибо Александръ полагаясь на обыкновенное свое щастiе могъ еще надѣяться, что войско его поспѣшитъ къ нему на помощь прежде, нежели онъ побѣжденъ будетъ отъ непрiятелей; но Карлъ невидѣлъ ни какого человѣческаго вспоможенiя, и кромѣ особливаго и неожидаемаго чуда ни какъ не могъ спастися, однако пребылъ твердъ въ своемъ предпрiятiи. Обѣихъ ихъ любили солдаты, но перьваго еще болѣе за тѣмъ, что онъ съ ними открытѣе и ласковѣе обходился. О Александрѣ сказать не можно, болѣе ли его любили, или болѣе ему удивлялись; но о Шведскомъ Королѣ извѣстно, что болѣе его высокимъ свойствамъ чудились, нежели особу его любили: оба долгое время наперстниками были щастiя, и все что ни предпринимали, удавалось. Но счастiе оставило наконецъ послѣдняго. Александръ

умеръ посредѣ побѣдъ и торжествѣ а Карлъ срывая и потопляя чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ нѣкое свирѣпое наводненїе, все на пути встрѣчающееся, лишился напослѣдокъ, не токмо всего побѣдами приобрѣтеннаго, но потерялъ немалую долю и собственнаго своего государства, и принужденъ былъ всѣ отъ щастїя полученныя дарованїя съ сугубымъ возвратить урономъ. По Александрову щастїю, былъ онъ во времена свои одинъ только Александръ въ свѣтѣ, а по нещастїю Карлову возсталъ во времена его другой Карлъ, ни въ чемъ ему неуступавшїй. Естлибъ по сему Александръ при походѣ своемъ въ Индїю вмѣсто Пора обрѣлъ Петра предъ собою стоящаго, тобы и ему уповательно пожъ нещастїе было при Гангѣ, каковое Карлу при Днѣпрѣ случилось. Оба были великодушны, и желали лучше совсѣмъ неимѣть побѣды, не-

жели одержать оную какими нибудь хитростями и пронырствами. Воюя, имѣли единое намѣренїе, то есть чтобы приобрѣсть имя побѣдителя, и подобному оба образцу слѣдовали. Александръ бралъ примѣръ съ Ахиллеса, а у Карла исторїя Александрова изъ рукъ почти невыходила; однако таковое правило въ Королѣ Христїянскомъ гораздо болѣе, нежели въ Монархѣ языческомъ, достойно хуленїя. Но естьлибъ Карла училъ Аристотель, чтобы онъ можетъ быть владычествующую страсть непочелъ за героическую добродѣтель, и иногда бы о должности Государя помысливъ. Какъ Король Шведской воспитанъ въ младенчествѣ, того не знаю, но кажется, что либо на воспитанїе его мало употреблено было раченїя либо онъ весьма рано отсталъ отъ ученїя, почитая упражненїя въ дѣлахъ военныхъ единственно Короля за пристойное, а протчее все суему

дрїемъ называя. Александръ напротивъ того наслаждался изящными наставленїями именитаго онаго Аристотеля, который училъ его политикѣ, нравоученїю и фолозофїи съ толикимъ раченїемъ, что ежелибъ козноплетенное Аттала и Клеопатры совѣщанїе сбылось по ихъ желанїю, и онъ бы изъ наслѣдства въ правленїи былъ выключенъ, то могъ бы быть въ какомъ нибудь греческомъ городѣ публичнымъ учителемъ. Но сїе самое его познанїе о философїи и о должностяхъ Государя подаетъ причину судить о немъ тѣмъ строжае и почитать его за токого человѣка, въ которомъ ни какое врачевство ни малѣйшаго немогло имѣть дѣйствїя, и если въ протчемъ, отложивъ властолюбїе, надъ обоими сими Государями съ равною властвовавшее силою, станемъ ихъ разсматривать, то найдемъ что они многїя, великїя и высокїя имѣли добродѣтели,

которыхъ для владычетвующей страсти, всѣ протчїя угнѣтавшей, было невидно; ибо о нихъ по мнѣнїю Юлїя Кесаря сказать было можно: ежели нарушать право, то должно его нарушать для одного царствованїя; въ протчихъ же дѣлахъ надлежитъ всячески наблюдать справедливость. Но сожалѣнїя достойно, что добродѣтель при таковыхъ обстоятельствахъ дѣйствовать не можетъ и болѣе посторонному слушателю въ такомъ судилищѣ подобна, гдѣ таковая владычествующая страсть имѣетъ предсѣданїе и рѣшитъ дѣла по своимъ прихотямъ. Примѣчаютъ въ протчемъ, какъ уже сказано, великїя въ сихъ Государяхъ природныя добродѣтели, коль часто только ихъ властолюбїе и ко снисканїю славы жажда дозволяли, ихъ исполнять. Оба были простосердечны, правдивы и къ деньгамъ не падки; оба набожны, хотя каждой по своему

обычаю и закону. Карлъ непрогуливалъ никогда службы божественной, и ни единаго дня не пропускивалъ, въ которой бы войско его несобарилось на молитву , и нѣкоторыхъ стиховъ не воспѣвало. Александръ не прогуливалъ ни единыя жертвы , и не предпринималъ ни какого важнаго дѣла, несовѣтовавъ прежде съ Аристархомъ, котораго для отправлеія службы божественной по всюду возилъ съ собою, хотя иныя и думаютъ, что ни тотъ ни другой неисполнялъ сего отъ внутреннаго своего побужденія и увѣренія, тѣмъ наипаче , что многими своими дѣлами ясно показывали, что не весьма къ закону прилѣплялися. Но искуство свидѣтельствуетъ, что Белево положенïе не совсѣмъ несправедливо , что многïе живутъ не по признаннымъ и принятымъ искренно правиламъ, но ко всему владычествующими ихъ пристрастïями бываютъ побуждаемы. Что

касается до Короля Шведскаго, то въ немъ ни малѣйшаго признака таковаго лицемѣрія невидно, но болѣе являлъ онъ достовѣрные опыты страха Божія и горячаго къ закону усердія, коль часто только владычествовавшая надъ нимъ страсть до того его допускала; благочестіе Александрово больше подвержено сомнѣнію, но какъ онъ съ природы былъ простосердеченъ, то вѣроятно, что и въ разсужденіи вѣры столькоже мало какъ и Карлъ XII. притворствовалъ; ибо въ нѣкоторомъ мѣстѣ сочиненій моихъ показано, что православное и чистое ученіе съ православнымъ житіемъ навсегда бываетъ совокупно: оба великіе сіи монархи съ младенчества къ понесенію всякаго труда и неспокойства приобыкли, и здоровое, крѣпкое, и равно какъ бы желѣзомъ обложенное тѣло имѣли. Дождь, зной, бдѣніе и работа, немогли отяготить и утомить ни котораго;

они полагаясь на крѣпость и силу тѣлъ своихъ ничего не страшились. Александръ бывши облитъ весь потомъ, бросился, нимало несумнѣваясь, о опасности, въ случившуюся рѣчку, и выкупавшись въ оной, съ крайнимъ поврежденіемъ здоровья своего, простудился. Естлибъ притомъ, былъ Карлъ, тобы конечно послѣдовать ему неотрекся, и по видимому таковоебы купаніе здравію его столькоже было вредительно. Какъ Александръ столь былъ здоровъ и крѣпокъ, что великую тягость и неспокойство сносить могъ, безъ малѣйшого здравію ущерба; такъ и Карлъ такое имѣлъ желѣзное тѣло, о которомъ бы надлежало думать, что оно не изъ плоти и крови, какъ обыкновенное тѣло человѣческое, но изъ матеріи, нерушимою почти крѣпостію металлу подобной, состояло. Шведскіе солдати подъ его предводительствомъ такъ были приучены

воинскимЪ и протчимЪ неспокойствамЪ и трудностямЪ, что древнимЪ ГукитамЪ, во времена Циска и Прококія бывшимЪ, не уступали. Но какЪ кЪ тому ни были привычны, однако думаю, что никто, отЪ Генерала до рядоваго солдата, не могЪ сносить тягостей и затрудненій сЪ толикою перетужностію какЪ сей великій ихЪ полководецЪ: онЪ день и ночь во весь консной скокЪ по пространнымЪ полямЪ и дремучимЪ лѣсамЪ, утомивЪ ближнихЪ рабовЪ своихЪ, одинЪ разъѣзжая, имѣлЪ обнаженную главу, часто снѣгомЪ покрытую; иногда же возвратясь вЪ крови и вЪ ранахЪ сЪ сраженія, не призывалЪ врачей для пользованія, метался на землю, окутывался епанчею, и вставалЪ поутру бодрЪ, здоровЪ и крѣпокЪ, иногда сапоги по цѣлому мѣсяцу сЪ ногЪ его не сходили, такЪ что должно было оныя разрѣзывать. Не дивно по сему, что простой народЪ, видя таковыя его поступки, и

между храбростїю и необузданною молодостїю различїя не полагая, почитаетъ его больше Александра, но философъ разсуждаетъ инако: онъ хотя совѣтуетъ приваживать тѣло къ понесенїю всякихъ трудностей, но не велитъ, забывая человѣчество уподоляться звѣрямъ дикимъ. Александръ довольствовался иногда худою пищею и ѣлъ тоже, что его солдаты; но Карлъ всегда и вездѣ оною былъ доволенъ, презирая все изъ сладкихъ составовъ иксуствомъ рукъ человѣческихъ уготованное, такъ, что съ великою охотою одною только водою и хлѣбомъ довольствовался. Симъ образомъ Александръ подобенъ Аристипу, ни сухоядения, ни сладкихъ ѣствъ не презиравшему; а Карла сравнить можно съ Дїогеномъ, въ хлѣбѣ и водѣ состоявшую трапезу въ бочкѣ своей съ великимъ удовольствїемъ прїемлющимъ. Король Шведской превосходилъ по сему воздержностїю своею не только Царя Маке-

донскаго, но и всѣхъ исторїею безсмертїю преданныхъ; тожъ самое можно сказать и о цѣломудрїи, въ которомъ Шведскїй Король безприкладнымъ образцомъ почесться можетъ. Нѣкогда прислана была къ нему для ходатайства съ дѣлами женщина, но коль прекрасна и прелестна ни была сїя особа, однако ни осанистымъ своимъ видомъ, ни умильными взорами, ни разумными и нѣжными предложенїями, немогла поколебать твердости его въ свою поль зу. Изъ сего видно, что Венера ни малѣйшїя надъ нимъ власти не имѣла, и что Купидонъ напрасно терялъ свои стрѣлы, пуская оныя въ Государя, на Елену и на Медузу при равномъ сердца состоянїи взиравшаго. Въ найопаснѣйшихъ сраженїяхъ оба спокойны были духомъ, и присутствїе онаго непокидало ихъ ни въ самыхъ жесточайшихъ битвахъ. Сердце у нихъ не болѣе тосковало, когда отвсюду окружены были сопостатами, какъ когда на дру-

желюбномъ собранїи прїятелей бесѣдовали: таковое свойство, понеже особливо полководцамъ нужно, то чрезъ оное ясно показывали, что они для того родились, дабы быть полководцами; но преизящному сему дарованїю не всегда послѣдовали; ибо забывъ вовсе иногда свое достоинство, должность рядоваго солдата исполняли. Оба удобно прийти могли въ гнѣвъ и ярость. Гнѣвъ перваго былъ жесточае, но продолжался не долго, другой могъ оной хотя лучше скрыть, но никогда почти вины неотпускалъ. Невѣроятно, чтобъ Карлъ учинилъ такое истязанїе, каковое Александръ совершилъ въ запальчивости надъ Клитомъ; но Александръ непоступилъ бы такъ свирѣпо, какъ Король Шведской съ Паткулемъ. Гнѣвъ перваго подобенъ былъ жестокой бурѣ, послѣ дождемъ, то есть слезами и раскаянїемъ сопровождаемой; но гнѣвъ послѣдняго сходствовалъ хотя не съ

толь жестокою, но долго стоящею бурею. И такъ сія обоихъ государей страсть происходила отъ разныхъ источниковъ; у Александра отъ горячей крови, а у Короля Шведскаго отъ желчи: въ семъ оба они достойны хуленія, однако послѣдній еще болѣе, нежели первой; ибо Александръ грѣшилъ отъ запальчивости, а Карлъ съ умысломъ. Хотя оба властолюбіемъ были надменны; но при всемъ томъ войны однимъ начинаемыя, справедливѣе были другимъ производимыхъ. Карлъ могъ показать многія начатой брани причины а Александръ о своихъ военныхъ подвигахъ ни малѣйшія. Что же Александръ войну велъ съ безпрерывнымъ счастіемъ, изъ того кромѣ обычайныхъ приключеній ничего неслѣдуетъ, то есть, что иногда отважныя и нелѣпыя предпріятія удачно съ рукъ сходятъ. Въ прочемъ сіе можно приписать тогдашнему обстоятельствѣ времени; ибо естьлибъ россійскій Импера-

торъ былъ Дарїй, тобы и Карлъ Шведскїй имѣлъ Царя Македонскаго счастїе; а естьлибъ *Петръ Великїй* былъ Царемъ въ Персїи, тобы и Александръ подобно Карлу XII остался побѣжденнымъ; ибо Шведское войско Македонскому въ храбрости ничемъ неуступало и предводитель онаго такой же былъ разумный и искусный вождь какъ и Македонскїй. Воинскимъ и чрезвычайнымъ Карла XII. способностямъ тѣмъ болѣе надобно удивляться, что онъ ихъ ни отъ кого примѣромъ или наукою незаимствовалъ, но вдругъ сдѣлался самъ чрезъ себя полководцемъ. Александръ же на многихъ сраженїяхъ подъ предводительствомъ отца своего присутствовалъ и преизящнымъ наставленїемъ славнѣйшаго сего тогдашнихъ временъ учителя приобрѣлъ уже искуство и знанїе великому вождю потребное, прежде нежели самъ предводительствовалъ войскомъ. На конецъ можно и сїе нѣкоторымъ образомъ приписать къ

славѣ Карла XII. что онъ побѣдоноснымъ своимъ оружїемъ старался единственно приобрѣсть безсмертное имя а не завоеванными землями государство свое увеличить; Александръ же по военному праву присвоялъ всѣ области нашествїемъ своимъ подъ владѣнїе свое покоренныя и всякое завоеванное Государство почиталъ средствомъ къ покоренїю другаго, и его желанїя толь далеко простиралися, что вся вселенная мала и тѣсна для него казалась; ибо какъ Парменїй ему совѣтовалъ, чтобъ принять выгодное предложенїе Дарїя, всю пространную Персидскую монархїю пополамъ раздѣлить съ нимъ хотѣвшаго, то Александръ отвѣтствовалъ: естьлибъ я былъ Парменїй, тобы ни минуты непомѣшкалъ согласиться на сїе предложенїе. Правда, можно бы сказать, что и Карлу XII ненедоставало хотѣнїя, что бы государство свое увеличить завоеванными областями, и что ежелибы тогда такїе были времена

какъ при Александрѣ, тобы и онъ послѣдовалъ стопамъ его затѣмъ, что тогда обыкновенно оставлялъ у себя все то побѣдитель, что силою меча покорилъ подъ свою державу. Но во дни наши государства и республики совсѣмъ на иномъ положенїи и непричисляется область оружїемъ завоеванная скоро къ той, которая принадлежитъ побѣдителю, но отъятыя войною города и земли отдаются обыкновенно при окончанїи войны и при послѣдовавшемъ мирномъ договорѣ, паки прежнему ихъ Государю. Разсуждая же, въ какомъ состоянїи была Европа, когда Карлъ съ побѣдоносымъ своимъ воинствомъ стоялъ посреди Германїи, и видя, что онъ ничего неприсвоилъ себѣ отъ земель въ рукахъ его бывшихъ и довольно сильнаго защитника неимѣвшихъ, примѣчается, что онъ единственное имѣлъ намѣренїе, дабы снискать имя побѣдителя нетребуя и нежелая ничего за

свой трудъ, за тщаніе и за попеченія, ибо коль мало другіе державы предпріятіямъ его противиться дерзали, доказываетъ тотъ примѣръ, когда онъ вступился за Силезскихъ протестантовъ и Императору законъ за закономъ предписывалъ, который на все соглашаяся сказалъ: естьлибъ Король Шведскій захотѣлъ, чтобъ я Лютеранскую вѣру принялъ, тобъ мнѣ и то здѣлать надлежало. И такъ изъ всѣхъ приведенныхъ мною обстоятельствъ видно, что сіи два Государи найудобнѣйше другъ съ другомъ сравнены быть могутъ, сходствуя совершенно какъ личными своими свойствами такъ и дѣлами; ибо хотя въ малости одинъ отъ другаго и разнятся, однако кажется будтобы духъ Александровъ преселился въ тѣло Короля Шведскаго, или что сей послѣдній жизнь перваго при всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣлъ образцомъ и примѣромъ.

Видя изъ слабаго сего начертанія геройскій духъ, непреоборимый нравъ и безпримѣрную храбрость Карла XII управлявшаго неустрашимымъ и ко всѣмъ воинскимъ трудностямъ приобученнымъ войскомъ, предствте себѣ, коль превосходными и отличными дорованіями обладалъ тотъ, который усмирилъ неукротимой духъ и отважился нетолько противоборствовать ему, но и низложилъ совершено кичливость и гордыню къ безсмертной славѣ своей и пользѣ отечества, обновленнаго, просвѣщеннаго и утвержденнаго имъ на толь твердомъ камени, что оному чудиться будутъ народы въ грядущія времена толико же, какъ дивится нынѣ свѣтъ, въ лѣтописяхъ коего необрѣтается примѣра ни толикому величію духа, ни толикому мужеству, ни толикой прозорливости и мудрости, каковою сіялъ порфироносный наперстникъ земли и неба, *Великій Петръ.*
